

A person with short brown hair, seen from behind, stands on a high ledge looking out over a sprawling, futuristic city. The city is filled with tall, industrial-looking buildings and structures. In the sky, a massive, cratered moon or planet with two large circular openings dominates the view. The scene is bathed in a warm, golden light, suggesting a sunset or sunrise.

Александр Восьмой

**Фантастика Зеркало 2
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

Фантастика Зеркало
2 (Даффи Толстяк)

«Автор»

2026

Восьмой А.

Фантастика Зеркало 2 (Даффи Толстяк) / А. Восьмой — «Автор»,
2026

Зеркало не просто предсказывает тренды — оно показывает, как мир закончится ровно через три года. Герой пытается использовать эти знания, чтобы заработать и сбежать, но быстро понимает: будущее нельзя обойти, можно только сыграть свою партию до конца. И рынок становится его последним полем битвы.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Фантастика Зеркало 2 (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Тени в наследстве»

Марк переступил порог квартиры, и время будто загнулось. Воздух здесь был густым, пропитанным пылью и чем-то ещё — тишиной, которая не бывает в современном городе. Она не была спокойной: в ней слышался шёпот старых стен, скрип рассохшихся половиц, отголоски чужих жизней. Квартира дяди, о котором Марк знал лишь пару сухих фактов из семейных разговоров, казалась не жилищем, а капсулой, запечатавшей прошлое.

Он не хотел сюда приходить. Нотариус настойчиво просил забрать документы и разобратся с имуществом, но Марк откладывал этот визит, словно предчувствуя, что шаг за порог изменит всё. И теперь, стоя посреди прихожей, он чувствовал, как этот порог действительно разделит его жизнь на «до» и «после».

Дождь хлестал по окнам, превращая город за стеклом в размытую акварель из серых и чёрных мазков. Капли стучали по подоконнику, как нервные пальцы, отбивающие тревожный ритм. Марк щёлкнул выключателем, но лампа мигнула и погасла, оставив его наедине с сумерками, которые здесь, казалось, жили своей жизнью.

В комнате царил хаос из коробок, книг и старых вещей, сваленных в беспорядке, будто дядя в спешке пытался что-то спрятать или, наоборот, найти. Марк механически открывал коробки, просматривал бумаги, стараясь не думать о том, что всё это — осколки чужой судьбы, к которой он никогда не принадлежал. Его интересовали только документы, чтобы поскорее закрыть эту главу.

Но что-то заставило его остановиться. В углу, наполовину скрытое старым покрывалом, стояло зеркало. Не обычное, а массивное, в тяжёлой раме из тёмного дерева, покрытой резьбой, напоминавшей то ли руны, то ли абстрактные узоры, в которых угадывались очертания графиков и волн. Марк стёр пыль с поверхности и замер.

Его отражение было тусклым, искажённым, словно стекло помнило слишком многое и не хотело показывать простое «сейчас». Но стоило ему всмотреться глубже, как отражение начало плыть, растворяться, уступая место чему-то иному.

На мгновение в зеркале мелькнул график — резкий, почти вертикальный взлёт линии, за которым последовал обвал. Затем — кадры, не похожие на привычные телевизионные: улицы, залитые тревожным светом, люди, бегущие сквозь дым, небо, расколотое вспышками. Всё это пронеслось перед глазами Марка за долю секунды, как случайный сбой картинки, но ощущение было иным — будто он подглядел за закрытой дверью, за которой пряталась сама судьба.

Марк отшатнулся, сердце забилося где-то в горле. Он тряхнул головой, пытаясь сбросить наваждение, и снова посмотрел в зеркало. Теперь там было лишь его бледное лицо, отражённое в мутном стекле, и комната, тонущая в сумерках.

«Это просто усталость, переутомление, стресс из-за работы», — повторял он про себя, но слова звучали неубедительно. Он протянул руку и коснулся рамы. Дерево было холодным, почти ледяным, несмотря на тёплый воздух в комнате. Пальцы скользнули по резным узорам, и на секунду ему показалось, что линии под пальцами едва заметно пульсируют, будто в них текла не резба, а застывшие волны энергии.

За окном громыхнуло, и город погрузился в ещё более плотную темноту — где-то вырубилось электричество. В этой тишине, нарушаемой только шумом дождя, зеркало казалось единственным источником света — и одновременно окном в иной мир. Марк снова взглянул в него, и на этот раз увидел не хаос, а чёткую дату, вспыхнувшую в глубине стекла, словно горящая метка: «3 года».

Три года. Ни больше, ни меньше. И вслед за датой — ещё один кадр: пустой торговый зал биржи, пыль, оседающая на погасших экранах, и тишина, в которой не было слышно даже эха шагов.

Марк резко отступил, дыхание стало прерывистым. Он хотел отвернуться, закрыть глаза, убедить себя, что это игра света и теней, но не мог. Зеркало держало его взгляд, словно знало, что он уже не сможет просто уйти.

В тот вечер Марк понял: он нашёл не просто наследство дяди. Он нашёл дверь в будущее — будущее, которое не обещало спасения, но давало знание. И теперь перед ним стоял выбор: попытаться использовать это знание, чтобы выиграть время, или бежать, пока не стало слишком поздно.

Но даже тогда, стоя в полутёмной комнате, он не знал, что бежать некуда — будущее уже начало свой отсчёт.

Глава 2. «Первый прогноз»

Офис биржи жил своей привычной, бешеной жизнью: экраны мерцали тысячами цифр, трейдеры перебрасывались короткими, рублеными фразами, а в воздухе витал запах кофе и нервного напряжения. Марк сидел перед своим терминалом, но его мысли были не здесь — они снова и снова возвращались к той полутёмной квартире, к тяжёлой раме зеркала и к вспыхнувшей в глубине стекла дате: «3 года».

Сделка, которую он собирался закрыть сегодня, была рискованной. Крупный пакет акций технологической компании, чья судьба висела на волоске из-за грядущего отчёта. Рынок замер в ожидании, и любой неверный шаг мог стоить Марку не просто прибыли — он мог потерять репутацию, которую выстраивал годами.

Но теперь у него был другой козырь.

Ещё до выхода на работу он вернулся в квартиру дяди. Дождь сменился колючим ветром, и город казался насторожённым, будто чувствовал надвигающуюся бурю. Марк остановился перед зеркалом, чувствуя, как холод от рамы проникает сквозь кожу, добираясь до самых костей. Он не хотел верить в то, что видел вчера, но страх и надежда тянули его обратно к этому странному артефакту.

— Ладно, — прошептал он, будто оправдываясь перед самим собой. — Один взгляд. Просто чтобы убедиться, что мне не показалось.

Он взглянул в мутную глубину стекла, стараясь не моргать, не терять фокус, словно от этого зависело всё. Сначала было пусто — только его собственное отражение, бледное, напряжённое, с тёмными кругами под глазами. Потом поверхность пошла рябью, как вода, в которую бросили камень.

И вдруг — вспышка.

График. Резкий, почти вертикальный взлёт линии, за которым следовал короткий, но мощный обвал. Марк едва успел уловить форму кривой, как картинка сменилась: ночной терминал, его собственные руки, уверенно нажимающие кнопки, цифры, бегущие вверх в бешеном темпе, и рядом — дата, та самая: «+3 года», будто напоминание, что каждое движение здесь имеет отголосок там, в будущем.

Всё длилось долю секунды. Затем стекло снова стало обычным, отражая комнату, покрытую пылью, и его собственное потрясённое лицо.

Марк отступил, чувствуя, как по спине пробегает ледяная волна. Это не могло быть совпадением. Или могло? Он пытался убедить себя, что мозг просто дорисовал знакомые образы, что стресс и усталость сыграли с ним злую шутку. Но сердце билось слишком быстро, а пальцы всё ещё помнили ощущение холодной рамы, будто она действительно была проводником между мирами.

На бирже день развивался по сценарию, который Марк теперь знал заранее. Отчёт компании оказался лучше прогнозов, акции взлетели, и он успел купить пакет на самом старте роста. Его сделка принесла огромную прибыль — сумму, о которой он раньше мог только мечтать. Коллеги хлопали его по плечу, бросали восхищённые взгляды, кто-то даже пошутил, что у него открылся «интуитивный дар».

Но Марк не разделял их радости. В эйфории, накрывшей его после закрытия сделки, таилась тревога, острая и колючая, как осколки разбитого зеркала. Он заработал деньги, но впервые в жизни победа не принесла удовлетворения. Вместо этого он чувствовал, будто переступил невидимую черту, за которой правила игры изменились навсегда.

Вечером он снова вернулся в квартиру дяди. Зеркало стояло на прежнем месте, тёмное и молчаливое, словно ждало его. Марк подошёл ближе, чувствуя, как воздух вокруг становится плотнее, тяжелее, будто пространство сопротивлялось тому, что он собирался сделать.

— Покажи мне ещё раз, — тихо произнёс он, почти шёпотом, будто боялся спугнуть видение. — Покажи, что будет дальше.

Стекло снова пошло рябью. Но на этот раз кадры были другими. Не графики и не цифры. Он увидел улицы, залитые тревожным светом, людей, бегущих сквозь дым, небо, расколотое вспышками. И снова — дата: «3 года». Но теперь она не просто висела в воздухе, она пульсировала, как рана, отсчитывая время до неизбежного конца.

А потом, в самом углу видения, мелькнуло что-то ещё: его собственное лицо, постаревшее, уставшее, с глубокими морщинами и пустым взглядом человека, который слишком много знал.

Марк резко отшатнулся, дыхание сбилось. Он понял: будущее в зеркале не статично. Оно менялось от его решений, словно реагировало на каждый шаг, как вода — на брошенный в неё камень. Каждое его действие создавало новую волну, новый вариант того, что произойдёт через три года.

Он сел на старый диван, обхватив голову руками, и попытался собрать мысли в кучу. Он хотел использовать зеркало, чтобы заработать и сбежать, чтобы купить себе билет в спокойное будущее. Но теперь он понимал: сбежать не получится. Будущее не было местом, куда можно уехать, — оно было силой, которая уже начала действовать, и каждый его шаг только приближал неизбежное.

Рынок стал его последним полем битвы. И теперь Марк знал: он не просто трейдер, делающий ставки на колебания цен. Он — участник игры, где ставки были выше, чем он мог себе представить. И каждое решение, каждая сделка теперь имели значение не только для его кошелька, но и для того, каким станет мир через три года.

Глава 3. «Цена удачи»

Успех обрушился на Марка лавиной. За считанные недели он закрыл несколько сделок, которые в обычных обстоятельствах казались бы безумием, — и каждый раз выходил победителем. Коллеги шептались о его «чутье», начальство бросало одобрительные взгляды, а на счетах копились цифры, от которых раньше у него замирало сердце. Но чем выше поднимался его баланс, тем тяжелее становилось внутри — будто каждая заработанная тысяча тянула за собой невидимую цепь.

Странности множились, словно мир пытался что-то ему сказать. В тот день, когда акции горнодобывающей компании взлетели на 37 % после его покупки, на другом конце планеты произошёл обвал шахты — не просто авария, а катастрофа с десятками жертв. Марк узнал об этом из короткой заметки в ленте новостей, и фраза «совпадение» застряла у него в горле, как осколок стекла.

На следующий день, едва он зафиксировал прибыль по фьючерсам на энергоносители, в крупном финансовом хабе отключилось электричество: серверы легли, торги встали, паника

прокатилась по рынку, как цунами. Марк смотрел на свой терминал, где цифры уже не казались триумфом, а походили на следы разрушений.

Он начал замечать закономерность: каждый его точный прогноз сопровождался «чёрной меткой» — неприятностью, катастрофой, сбоем, который выглядел как расплата. Сначала он гнал от себя эту мысль, убеждая себя, что мир огромен, а трагедии случаются каждый день. Но совпадения складывались в узор, слишком чёткий, чтобы быть случайным.

Вечером Марк вернулся в квартиру дяди. Зеркало стояло в углу, тёмное, неподвижное, будто ждало, когда он снова придёт к нему с надеждой и страхом. Он подошёл ближе, чувствуя, как воздух вокруг становится плотнее, словно пространство сжималось от напряжения.

— Покажи мне правду, — прошептал он, и голос прозвучал непривычно хрипло, будто слова царапали горло. — Не графики. Не сделки. Просто... правду.

Стекло пошло рябью, как поверхность воды, в которую бросили камень. На этот раз не было ни кривых, ни стрелок, ни бегущих цифр. Вместо этого перед ним развернулась панорама: города, тонущие в хаосе, улицы, заваленные обломками, небо, затянутое пеленой, в которой не было видно ни звёзд, ни солнца. Марк увидел мосты, рухнувшие в реки, аэропорты, заросшие травой, и биржи, превратившиеся в пустые коробки с выбитыми окнами.

А потом в центре этой картины вспыхнула дата — та самая, проклятая: «3 года». Она пульсировала, как рана, отсчитывая время до неизбежного конца. И в самом низу, едва различимым шрифтом, мелькнула фраза: «Мир рухнет ровно через три года. Инфраструктура рассыплется. Рынки перестанут существовать».

Марк отшатнулся, но не смог отвести взгляд. В глубине стекла мелькнули новые кадры: он сам — постаревший, измождённый, стоящий посреди руин, с пустым взглядом человека, который слишком много знал и ничего не смог изменить.

— Нет, — выдохнул он, хватая раму, будто мог удержать реальность, которая ускользала сквозь пальцы. — Это не может быть правдой. Это просто... иллюзия. Игра света.

Но зеркало не отвечало. Оно лишь отражало его собственное лицо — бледное, напряжённое, с тёмными кругами под глазами, в которых читался страх.

Марк опустился на старый диван, обхватив голову руками. Он пытался убедить себя, что это иллюзия, что мозг дорисовывает ужасы из его собственных страхов, что рынок — это просто цифры и алгоритмы, а катастрофы — статистика. Но кадры в зеркале были слишком чёткими, слишком реальными. Они не походили на фантазии. Они походили на документы.

Он достал телефон, открыл графики, проверил новости, попытался найти хоть одно объяснение, которое не вело бы к безумию. Но каждый раз, когда он смотрел на экран, перед глазами вставали руины, дата и его собственное постаревшее лицо.

В тот вечер Марк понял: зеркало не просто показывало тренды. Оно показывало конец света. И его сделки, казавшиеся победами, были лишь звеньями цепи, которая тянулась к этой катастрофе. Каждое его действие не спасало его, а приближало неизбежное.

Он встал и подошёл к зеркалу снова. На этот раз он не просил показать будущее. Он смотрел в него, как в глаза противнику, пытаясь понять правила этой игры. И вдруг стекло дрогнуло, и на долю секунды он увидел не руины, а другой вариант: город, который держится, люди, которые строят, рынки, которые работают не ради прибыли, а ради выживания. Но этот кадр был тусклым, едва заметным, как отражение в мутной воде.

Марк понял: будущее не было предопределено. Оно менялось от его решений, реагировало на каждый шаг, как вода — на брошенный в неё камень. Но цена каждого изменения была непомерно высокой.

Он отошёл от зеркала, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Теперь он знал: нельзя использовать эти знания, чтобы сбежать. Нельзя заработать и исчезнуть, пока мир рушится. Потому что его действия были частью этого разрушения.

Рынок стал его последним полем битвы. И теперь Марк стоял перед выбором: продолжать играть по старым правилам, умножая хаос, или попытаться изменить игру, даже если цена этой попытки окажется выше, чем он мог себе представить.

Он сел за стол, открыл терминал и начал писать новый план — не для того, чтобы заработать, а для того, чтобы удержать хоть что-то. Цифры больше не были просто цифрами. Они стали следами времени, которое утекало сквозь пальцы, и он должен был научиться распоряжаться им так, чтобы цена удачи не оказалась слишком высокой.

Глава 4. «Правила искажения»

Марк больше не смотрел на зеркало как на талисман удачи. Теперь оно стало для него объектом изучения — холодным, безжалостным инструментом, который требовал расшифровки. Он завёл толстую тетрадь, расчертил страницы на колонки и начал фиксировать закономерности: дата сделки, объём, направление движения рынка, а рядом — новости, катастрофы, аномалии, случившиеся в тот же день или в течение суток после.

Сначала записи казались бессмысленным набором совпадений. Но чем дальше он копал, тем чётче проступал узор. Крупные сделки вызывали масштабные последствия: резкий рост его прибыли почти всегда сопровождался сбоем в какой-нибудь критической инфраструктуре, обвалом в смежном секторе или внезапной геополитической вспышкой. Мелкие операции почти не оставляли следа. А если он намеренно закрывал позицию раньше, чем видел в зеркале финальный пик, — катастрофа будто теряла силу, становилась слабее, словно реальность давала крошечную отсрочку.

«Чем крупнее сделка, тем сильнее отдача», — записал он на полях, обведя фразу трижды. Это было похоже не на предсказание, а на обмен: он получал знание, а мир — плату. И ставка росла с каждым его шагом.

Однажды вечером, когда город уже погрузился в синюю полутьму, Марк сидел перед зеркалом, пытаясь поймать не график, а правило. Он хотел увидеть формулу, алгоритм, хоть что-то, что позволило бы ему играть осознанно, а не на ощупь.

— Покажи мне закономерность, — прошептал он, будто обращался не к стеклу, а к разумной силе, прятанной за рябью отражений. — Не результат. Покажи механизм.

Зеркало дрогнуло. На этот раз вместо руин и графиков перед ним пронесли фрагменты: старые газетные вырезки, пожелтевшие от времени; страницы рукописей с витиеватым почерком; лица незнакомых людей, застывшие в напряжённых позах. А потом — короткая фраза, будто выжженная на стекле: «Зеркала не предсказывают. Они искажают».

Марк замер, чувствуя, как по спине пробегает ледяная волна. Не предсказывают... Искажают. Значит, будущее не ждало его где-то в будущем, как заранее написанный сценарий. Он сам создавал его каждым своим решением, каждым нажатием кнопки, каждым выбором. Зеркало не было окном в грядущее — оно было зеркалом последствий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.